

Политическая философия и политическая экономия

Камиль Галеев*

REINERT S. A. (2011). *TRANSLATING EMPIRE: EMULATION AND THE ORIGINS OF POLITICAL ECONOMY*. CAMBRIDGE: HARVARD UNIVERSITY PRESS. 438 P. ISBN 0674061519

Аннотация. Рецензия на книгу Софуса Райнерта «*Translating empire: emulation and the origins of political economy*», в которой автор рассматривает историю развития новой дисциплины через призму истории переводов и переизданий экономических трудов XVII–XVIII вв. Основной тезис книги заключается в том, что экономическое состязание между государствами есть такая же борьба, что и военное соперничество, основу экономическому развитию всегда закладывают государственные интервенции, что очевидно на примере Англии, традиционно считавшейся оплотом свободной торговли.

Ключевые слова: Софус Райнерт, экономика, политическая экономия, история Англии, история Ирландии, Джон Кэри, интеллектуальная история, колониализм, история экономики, Другой канон.

«Europe generally, industrialized while adhering to theories and pursuing policies which have little to do with the historiography of political economy invented retroactively in Britain in the second half of the nineteenth century»¹ (p. 3).

Книга гарвардского историка Софуса Райнерта² «*Translating empire: emulation and the origins of political economy*» не переведена на русский. А жаль — это отличная работа по интеллектуальной истории. Как следует из названия, она посвящена истории возникновения политической экономии. Слово «*translating*» употреблено не случайно — автор рассматривает историю развития новой дисциплины через призму исто-

* **Галеев Камиль Рамилевич** — студент 3-го курса факультета истории НИУ ВШЭ. E-mail: kamilkazani@gmail.com

© Галеев К. Р., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. «Европа проводила свою индустриализацию, придерживаясь теорий и осуществляя меры, которые в основном имели мало отношения к историографии политической экономии, придуманной ретроспективно в Британии во второй половине XIX в.».

2. Софус Райнерт преподает в Гарвардской школе бизнеса в качестве Assistant Professor of Business Administration. Среди его известных работ — *Serra A. (2011). A short treatise on the wealth and poverty of nations (1613). / Transl. J. Hunt; ed. S. A. Reinert. L., N. Y.: Anthem Press.* Это издание книги неаполитанского мыслителя XVII в. Антонио Серры — «Короткий трактат о причинах, которые могут сделать королевства изобильными золотом и серебром даже в отсутствии рудников».

рии переводов и переизданий экономических трудов XVII–XVIII вв. Фабула строится вокруг почти забытого, но важнейшего для понимания истории Просвещения произведения — «*Essay on the state of England*» Джона Кэри.

Софус Райнерт — настоящий сын своего отца, норвежского экономиста Эрика Райнерта³, и его идейный последователь. Один из основных тезисов трудов Райнерта-старшего — наличие в европейской традиции Нового времени, наряду с ортодоксальным либеральным канонам экономической теории (*laissez faire — laissez passer*), «другого», более раннего, чем либеральный, протекционистского канона.

Исходная предпосылка этого «другого» канона заключается в следующем. Разные виды экономической деятельности обладают разной «технологической емкостью», т. е. разным потенциалом для рационализации и внедрения инноваций и в конечном счете для экономического роста. Отсюда следует вывод о том, что экономический успех зависит в огромной степени от правильного выбора поля деятельности. Обобщая, можно сказать, что сельское хозяйство и добыча сырья — плохие области специализации, ведущие к бедности, а промышленность — хорошая, и она ведет к богатству. Это противоречит базовой предпосылке неоклассической традиции, которую нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен сформулировал как «*equality assumption*» — вложение равного количества трудовых и материальных ресурсов в разные виды деятельности приносит одинаковую отдачу. Возрастающая отдача от масштаба производства и QWERTY-эффекты, связанные прежде всего с тем, что «плохие» виды экономической деятельности не только плохо поглощают инновации, но и плохо их производят, приводят к тому, что новые игроки на «хороших» рынках будут проигрывать старым. Значит, правительствам стран, которые хотят достичь благополучия, следует искусственно стимулировать рост в «правильных» отраслях. Это возможно за счет закрытия рынка введением таможенных пошлин, выплаты субсидий на экспорт, государственной поддержки заимствования чужих технологий, в том числе промышленного шпионажа и т. д.

«Другому» канону следовали все без исключения страны, когда-либо достигавшие экономического благополучия. Добившись успеха, развитые страны, однако, каждый раз пытались запретить странам-конкурентам следовать их примеру. По выражению германо-американского экономиста Фридриха Листа, ведущая промышленная держава — Англия стремилась «отбросить за собой лестницу»⁴. Иногда это происходило насильственным путем: на ранних стадиях промышленность стран-конкурентов попросту уничтожалась, как уничтожили англичане текстильную промышленность Ирландии («Шерстяной акт» (*Wool Act*) английского парламента от 1699 г. запрещал вывоз готовых шерстяных изделий из Ирландии), на более поздних — ее давили бо-

3. Эрик С. Райнерт — глава фонда «*Other Canon*», автор знаменитой книги «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными».

4. Современный кембриджский экономист Ха Джун Чанг использовал это выражение Листа в названии одной из главных своих работ — «Отбрасывая лестницу: стратегии развития в исторической перспективе» (*Chang H.-J.* [2002]. *Kicking away the ladder: development strategy in historical perspective.* L.: Anthem).

лее мягкими методами, такими, например, как хлопкопрядение в Индии, промышленность Китая (т.н. «gunboat diplomacy») и, что менее известно, — Южной Европы.

Важную роль в «отбрасывании лестницы» играли и «эзотерические» либеральные экономические теории (рецепты), предназначенные лишь для экспорта. Так, Адам Смит категорически не советовал американцам строить собственную промышленность, утверждая, что это приведет к падению доходов американцев. А Джон Кэри рекомендовал ирландцам и жителям прочих английских колоний сосредоточиться на сельском хозяйстве — совсем к другим мерам он призывал в Англии.

Софус Райнерт разделяет в целом как идеи Райнерта-страшего, так и его интерес к старым малоизвестным сочинениям по экономической теории. Но их подходы различаются: Райнерт-старший — экономист, а Райнерт-младший — историк. Несмотря на широкую и беспрецедентную для экономиста эрудицию Эрика Райнерта, основной предмет его интереса — модель, а исторический контекст — лишь эмпирический материал для доказательства основного тезиса. Для Софуса же, напротив, исторический контекст и есть самое важное, он сам по себе заслуживает детального рассмотрения. Книги Райнерта-младшего рассчитаны на более подготовленного читателя. Манера его повествования, да и письма, напоминает барочный стиль Якоба Буркхардта, если это вообще можно сказать о тексте, написанном на академическом английском.

В книге пять частей. Первая, «Emulation and translation», посвящена общему историческому и интеллектуальному контексту эпохи, вторая — английскому оригиналу книги Кэри, последующие — соответственно, французскому, итальянскому и немецкому переводам, отличающимся от оригинала как по содержанию, так и по политическому контексту, а значит, и политическому смыслу.

Политическая философия и политическая экономия

Еще у Монтескье можно встретить весьма распространенное до сих пор заблуждение. Французский философ противопоставляет жестокое царство войны и политики, в котором всегда есть победители и побежденные (и горе побежденным!), мирному царству *doux commerce*, «невинной коммерции» — области взаимного сотрудничества, согласия и взаимообогащения. Насколько нарисованная французским просветителем картина отражает реальность?

Наблюдения и сюжеты экономического характера можно встретить еще у древних авторов — вспомним, как Маркс в «Капитале» писал о «буржуазном инстинкте Ксенофонта»⁵. Но до раннего Нового времени экономическим проблемам не уделя-

5. Он имел в виду историю из «Киропедии». Захватив Вавилон, Кир Великий поразился невиданно высокому качеству его товаров. Ксенофонт объясняет это так. В маленьких поселениях один человек не может прокормить себя, занимаясь только одним ремеслом, он должен быть попеременно горшечником, плотником и т.д., и поэтому не может довести свои навыки до совершенства. А в больших городах узкая специализация приводит к повышению качества изделий. Это рассуждения вполне в духе Адама Смита.

лось и сотой доли того внимания, какое им стали уделять с его приходом. С чем это связано?

Дело в том, что только в XVI–XVII вв. экономическую политику начали воспринимать как способ достижения власти — не власти одного частного лица над другим, но власти одной страны над остальными. Этот столь привычный для нас ответ на вопрос о секретах могущества был неочевиден для людей предыдущих эпох. Античные авторы полагали, что господствующее положение государства обеспечивается доблестью и простотой нравов. Еще Тацит, писавший о римских *arcana imperii* (тайнах господства), обеспечивших римское господство, имел в виду в первую очередь именно *virtu* — понятие, которому нет аналога в русском языке. Это и доблесть, и добродетель, причем непременно публичная, выражающаяся в участии в жизни государства, и, разумеется, мужская — неслучайно *virtu* образовано от *vir*. Те авторы Ренессанса, которые следовали классической традиции — от Макиавелли до Михалона Литвина, разделяли эту точку зрения.

С XVI в. в Европе все более распространяется представление о том, что *arcana imperii* лежат в области экономики. Казанова, описывая в своем «Китайском шпионе» древние Пунические войны, в которых военная держава — Рим, победила коммерческую — Карфаген, замечает, что в современных ему условиях исход борьбы был бы совершенно иным. Этот вывод неудивителен для современника Семилетней войны и свидетеля гибели первой французской колониальной империи. Из всего опыта и наблюдений Казановы следовал неутешительный для Франции прогноз относительно исхода ее противостояния с Англией. Если, конечно, Франция не сумеет превзойти Англию также в области коммерции.

В чем заключались эти новые *arcana imperii*, по мнению людей раннего Нового времени? Современному человеку трудно понять это, не зная языка и терминологии эпохи.

Как отмечалось выше, внимание Райнерта приковано к истории переводов и истории распространения экономических идей, а значит — к истории языка и теоретических концепций. Целые разделы книги посвящены этим концептам — общераспространенным в XVII–XVIII вв., но забытым в наше время: понятию «*jealousy of trade*» (р. 18), классической идиоме «*dicere leges victis*» (р. 24), приобретшей в XVIII в. новое звучание, и, наконец, идее «*emulation*» (р. 31) — неслучайно это слово вынесено в заглавие книги.

«*Jealousy of trade*». Понятие, которое трудно буквально перевести на русский. Подготовленный читатель догадается, что речь идет о протекционистских мерах по защите собственной торговли и промышленности, но, не зная философского контекста эпохи, нельзя догадаться, что «*jealousy of trade*» — отсылка к ключевой метафоре Гоббса. По Гоббсу, мир состоит из враждующих государств — Бегемотов и Левиафанов, находящихся по отношению друг к другу в «естественном состоянии», состоянии войны, и руководствующихся собственными «*jealousies*». Метафора «*jealousy of trade*» вскрывает политическую подоплеку экономического состязания — мир делится на

друзей и врагов, в торговом состязании есть победители и побежденные, причем это не отдельные индивиды, а целые государства.

Не менее важная, равно забытая метафора эпохи «*dicere leges victis*» — давать законы побежденным. Конечный смысл всякой войны состоит в праве диктовать свои законы побежденному, навязать ему *juris-diction*. Античные авторы⁶ подчеркивали, что никакие успехи ни в какой области человеческой деятельности не имеют смысла, если не будет победы в войне, ибо все, что имеют побежденные, в том числе и они сами, достается победителю. Эта метафора была общераспространенной не только в сочинениях древних римлян, но и в работах европейцев Нового времени — Макиавелли, Жана Бодена, Локка и др. Достаточно отметить, что перевод выражения «to give the laws» приводился в словарях того времени, например, в англо-испанском словаре 1797 года.

Но лишь в Новое время европейцы пришли к пониманию, что дать свои законы побежденному можно, не совершая завоеваний, просто победив в экономическом состязании. Уже после битвы при Бленхейме (одно из крупнейших сражений войны за испанское наследство, в котором войска герцога Мальборо разгромили франко-баварскую коалицию) в Европе распространяется опасение, что англичане будут диктовать законы всей Европе, а после Утрехтского мира оно перерастает в твердую уверенность. Казанова и Гудар в «Китайском шпионе», описывающем вымышленное путешествие китайского эмиссара Cham-pi-pi по Европе, вкладывают в уста своего героя, увидевшего на горизонте английский берег, восклицание: «Так вот оно — то знаменитое могучее государство, которое господствует на морях, и дает сейчас свои законы нескольким великим нациям!» (р. 68).

Итак, война и коммерция — разные стороны одного и того же явления — межгосударственного соперничества. Ставки в этом соперничестве, будь то на поле коммерции или на поле боя, одинаково велики — победитель диктует свои законы побежденному.

Третий концепт Просвещения — «*emulation*» (от латинского *aemulari*). Словари определяют *emulation* как желание превзойти кого-то или как «noble jealousy». По определению Гоббса, *Emulation* — противоположное зависти (*Envy*) чувство. Это желание достичь благ, которыми обладает объект «эмулирования», и оно присуще «молодым и благородным» (Young and Magnanimous) людям. Существовало общераспространенное мнение, что государство может достичь успеха только за счет «эмулирования» более успешных соперников.

6. У Райнерта в данном случае нет ссылок на античных авторов — мы имеем в виду «Законы» Платона и «Киропедию» Ксенофонта.

Джон Кэри. «Essay on the state of England»

«The English model was a Janus-faced phenomenon that haunted the economic imagination of eighteenth-century Europe. Trade could unite humanity with bonds of culture and commerce, but it could also cause the enslavement and desolation of the entire countries»⁷ (p. 141).

Рубеж XVII–XVIII в. — время коренных преобразований в истории Англии. В нашей историографии принято говорить об этом периоде как об эпохе Славной революции 1689 г., когда были свергнуты Стюарты и на английский престол вступил голландский штатгальтер Вильгельм Оранский. В англоязычной литературе чаще употребляется более широкий термин — Williamite Revolution, который включает в себя все преобразования за тринадцать лет правления Вильгельма Оранского⁸. Это время становления английской армии и, что куда более важно, королевского флота. Королевская власть была существенно ограничена Биллем о правах, что стало важным шагом на пути превращения страны в парламентскую монархию. Англия вступила в эпоху национализма и агрессивного экспансионизма, что привело к резкому наращиванию военных расходов (налоговое бремя в стране было чуть ли не самым тяжелым в Европе).

Точные даты рождения и смерти Джона Кэри неизвестны. Он начал свою карьеру подмастерьем ткача в Бристоле, разбогател на торговле тканями, организовывал торговые экспедиции в Вест-Индию. Был делегатом английского парламента в Ирландии и принимал участие в проведении Williamite Settlement — конфискации земли у католиков⁹ и передаче ее протестантам. Считается, что именно Кэри инициировал принятие «Акта о шерсти» (Wool Act) 1699 г., который запретил экспорт шерстяных тканей из Ирландии, чтобы не создавать конкуренции английскому текстилю. О последних годах жизни Кэри известно мало — в 1720 г. он попадает в тюрьму, и его следы теряются.

«Essay on the State of England» — крупнейшее и самое значительное произведение бристольского купца. Оно примечательно уже тем, что автор — эмпирик, основываю-

7. «Английская модель — это Янус, который владел воображением экономистов Европы XVIII в. Торговля могла объединить мир с помощью культурных и коммерческих связей, но она могла также привести к порабощению и опустошению целых стран».

8. Это окончательное усмирение Ирландии и подавление волнений шотландцев, Девятилетняя война против Людовика XIV и т.д. Североирландские протестанты до сих пор празднуют годовщину битвы на реке Бойн, где Вильгельм Оранский разбил католическую армию Якова II, состоящую из ирландцев. А оплаканная Вальтером Скоттом Резня в Гленко — уничтожение шотландского клана МакДональдов солдатами герцога Аргайла из протестантского клана Кэмпбеллов именно за отказ принести присягу на верность Вильгельму Оранскому.

9. Конфискации 1700 г. были направлены преимущественно против католической аристократии. Репрессии Кромвеля и Penal Laws Вильгельма Оранского касались в равной степени как кельтского населения, так и «Old English».

щийся только на своем личном опыте торговца и государственного деятеля. Критикуя государственное устройство Франции, он говорит об «unlimited power» французского короля. Идею «universal monarchy», о которой так много писали современные ему английские авторы, он не упоминает. У Кэри нет ссылок на античных авторов — он находится вне этой традиции. Весьма показательны два письма из его переписки с Локком. Кэри уличил Локка в том, что тот неправильно посчитал курс валют в одном из своих сочинений, а тот упрекнул Кэри в незнании латинской грамматики. Кэри — очень «киплинговский» по своей эстетике персонаж. При отсутствии каких-либо отсылок к античной и современной Кэри интеллектуальным традициям его работа изобилует библейскими метафорами.

Содержание книги Кэри можно свести к следующему тезису. Мощь государства зависит от его благосостояния, а оно достигается за счет специализации на производстве товаров с высокой добавленной стоимостью, что неразрывно связано с внедрением технических усовершенствований. Производство и торговля представляют собой единственные источники благополучия, а добыча сырья — верный путь к нищете. Так, испанское королевство бедно, несмотря на свои огромные колониальные владения, поскольку товары завозят туда из Англии. Труд испанских рабочих ничего не добавляет к цене товара¹⁰. Поэтому Англия должна сосредоточиться именно на производстве: импортируя необработанные материалы и экспортируя продукты своей промышленности.

Кэри спорил с теми авторами, которые считали необходимым понизить оплату рабочей силы в Англии, чтобы сделать английские товары более конкурентоспособными. Высокие заработки англичан, считал он, вовсе не ведут к проигрышу в конкурентной борьбе. Низкие цены на товары обеспечиваются не низкими заработками, а механизацией труда: «Шелковые Чулки ткут, вместо того, чтобы вязать; Табак — режут с помощью Механизмов, а не Ножей, Книги — печатают, а не пишут вручную... Свинец плавят в отражательных печах, а не с помощью Ручных Мехов... все это сохраняет труд многих Рук, так что Жалование рабочих не нуждается в сокращении» (р. 85)¹¹. Более того, высокие заработки приводят к увеличению потребления и, как следствие, — к возрастанию спроса. Довольно неожиданно обнаружить такие «фордистские» идеи у автора конца XVII в.

Какова, по мнению Кэри, была роль государства в экономическом росте?

Во-первых, оно должно облагать высокой пошлиной экспорт сырья.

Во-вторых, отменить пошлины на импорт сырья и вывоз промышленных товаров.

В-третьих, защитить английскую торговлю от посягательства врагов.

В-четвертых, отменить монопольные привилегии.

10. Из всего вышесказанного вытекает, что «меркантилизм» — крайне неудачный термин для обозначения интеллектуального течения, к которому принадлежал Кэри. Положительный торговый баланс для него — лишь симптом здоровой производительной деятельности общества.

11. «Silk-Stockings are wove instead of knit; Tobacco is cut by Engines instead of Knives, Books are printed instead of written... Lead is smelted by Wind-Furnaces instead of blowing with Bellows... all which save the labour of many Hands, so the Wages of those imployed need not be lessened».

Кэри выступал против монополии Ост-Индской компании на торговлю с Индией и монополии Африканской компании на работорговлю (работорговля — это английское Потоси, по его собственному определению. Он сравнивал значение этой торговли для Англии со значением богатейших американских рудников для испанской короны). Современного экономиста-девелопменталиста такая позиция могла бы несколько удивить. Но тогдашние монополии были совершенно иными, чем монополии современные. Это были вполне феодальные по духу учреждения, наследство Тюдоров и Стюартов, раздававших своим приближенным монопольные права на торговлю и производство. Шумпетер полагал, что именно историческая память о паразитических монополиях раннего Нового времени поддерживает в англосаксах стойкое отвращение к современным монополиям, которые обрели свое положение не благодаря указу короля, а лишь потому, что на шаг опередили своих конкурентов на пути технического прогресса. Современные монополии, как правило, сами создают те сектора экономики, в которых доминируют (см. «Капитализм, социализм и демократия» Йозефа Шумпетера).

И, наконец, в-пятых, правительство должно путем заключения «договоров и иных соглашений» добиваться того, чтобы иностранные государства придерживались прямо противоположной стратегии — экспорта сырья и импорта готовых товаров.

Самая большая опасность для Англии, с его точки зрения, заключалась в том, что остальные государства поступят так же. Французский министр Кольбер следовал примеру английского короля Эдварда III, запретившего экспорт шерсти из Англии с целью развития собственного текстильного производства. В результате Франция превратилась в крупнейшего поставщика предметов роскоши в Англию. К счастью, португальцы не смогли или не захотели последовать французскому примеру, и правители некогда величайшей колониальной империи превратились в «таких же плохих мореходов, как и промышленников» (р. 93).

Лучше всего иллюстрирует политические убеждения и экономические взгляды Джона Кэри его позиция по ирландскому вопросу. Ирландия тогда была одним из трех королевств, позже составивших Великобританию. Как и Англия и Шотландия, она имела собственный парламент. Но Шотландия объединилась с Англией путем династической унии и сохранила независимость по всем вопросам внутреннего управления: их объединяло только наличие общего монарха. Ирландия же была покорена силой оружия и стала подвластна английскому парламенту.

Нет ничего удивительного в том, что убежденный протестант и английский националист¹², Кэри рассматривал Ирландию как врага Англии — «колыбель папизма и

12. Кэри — националист, разумеется, в английском понимании этого слова. Понятие «nationalism» в английском, как и в большинстве европейских языков, апеллирует не столько к этнической самоидентификации, сколько к идентификации по отношению к государству — к политической нации. После свержения Стюартов англичане начинают ощущать себя единой политией, которая объединена противостоянием как со всеми своими соседями, так и с мировым папизмом в лице уже не Испании, как во времена Кромвеля, а Франции.

рабства». Кэри полагал, что Ирландию следовало «низвести до положения колонии» (reduce to the state of a colony) (p. 108).

Подобная позиция в отношении побежденной страны вряд ли удивит читателя. Гораздо более любопытно, что поражение в правах, по мнению Кэри, должно было распространяться не только на ирландских католиков как *группу населения*, но и на Ирландию как *территорию*, со всеми, кто там проживал. Речь идет о вопросе ирландского самоуправления и представительства, так остро стоявшем на рубеже веков.

Ирландские протестанты — прежде всего Молине — самый крупный ирландский публицист эпохи, ничуть не возражали против поражения в правах католиков. Их устраивало положение, по которому католики отстранялись от любого участия в государственном управлении и были de facto лишены представительства в Ирландском парламенте в силу т.н. «Карательных законов» (Penal Laws), принимавшихся постепенно на протяжении XVI–XVII вв. и окончательно закрепленных после битвы на реке Бойн. Но неограниченное господство протестантских колонистов в покоренной стране компенсировалось полным подчинением страны в целом английскому парламенту, где ирландцы-протестанты представительства не имели.

Молине считал такое положение дел абсурдным. «Древние ирландцы, — писал он, — некогда были покорены силой оружия и потому потеряли свою свободу» (p. 109). Однако теперь потомки «древних ирландцев» составляют лишь меньшинство населения страны, большинство — потомки английских колонистов: солдат Кромвеля и Вильгельма Оранского. Почему они должны быть поражены в правах?

Потому, отвечал ему Кэри, что королевство, в котором они живут, — подчиненная Англии территория. Если англо-ирландцам угодно называть свою «колониальную ассамблею» парламентом, пожалуйста — это вопрос вкуса. Но они никогда не будут обладать избирательными правами, пока живут в Ирландии. Чтобы участвовать в государственном управлении, им следует переселиться в Англию (Ibid). Как тут не вспомнить превосходное определение термина «колония», данное Карлом Шмиттом: колония — есть территория страны, с точки зрения международного права, но — за граница, с точки зрения права внутреннего.

Почему английский парламент так упорно держался за свое полное господство над Ирландией и почему ирландцы так отчаянно стремились отстоять хотя бы частичное самоуправление? Какой вопрос вызывал разногласия между Молине и Кэри?

С точки зрения Кэри, Ирландия была соперником Англии, ее конкурентом по производству текстиля. Значит, эту отрасль ее экономики следовало уничтожить и заменить другой, где ирландцы не смогут составить конкуренцию англичанам. Кэри сравнивал Англию и ее «Plantations» с огромным человеческим телом, в котором Англия исполняла, разумеется, роль головы. Поэтому она имела полное право извлекать доходы (draw Profits) из своих колоний. В конечном счете это было необходимо для поддержания имперской мощи — ради общего блага империи. К тому же «the True Interest of Ireland» состоял в том, чтобы заниматься сельским хозяйством, желательно животноводством, а население страны следовало бы сократить до трехсот тысяч человек.

Молине и сам не питал особенных иллюзий по поводу исхода своей борьбы. Он писал, что «Англия совершенно точно не позволит нам обогащаться за счет Шерстяной торговли. Это — их Дорогая Возлюбленная и они будут ревновать к любым соперникам» (р. 109)¹³. Так и случилось — в 1699 г. был принят закон, запрещающий экспорт шерстяных изделий из Ирландии, а годом позже последовал запрет на ввоз в Англию индийских ситцевых тканей.

Уже в 1704 г. экономическое положение Ирландии значительно ухудшилось — в течение всех лет, последовавших за принятием Wool Act, торговый баланс Ирландии оставался стабильно отрицательным. Кэри был отправлен парламентом в Ирландию во главе комиссии по изучению ситуации. Он пришел к выводу, что единственный выход для Ирландии — основание там «промышленности, которая никоим образом не конкурировала бы с английской». Речь шла о заведении там льняной промышленности: в течение последующего века производство Ирландии было сосредоточено на изготовлении льняной пряжи — полуфабриката для английских мануфактур.

Переводы

Бютель-Дюмон. «Эссе о состоянии коммерции в Англии»¹⁴

После войн за испанское (1701–1714) и австрийское (1740–1748) наследство Франция была истощена. Ее вынудили принять условия англичан — признание Ганноверской династии и изгнание Стюартов из французских владений, уход с Ньюфаундленда, уничтожение береговых укреплений Дюнкерка. Крупнейшее аграрное государство Европы страдало от регулярных неурожаев и вспышек голода. Государственные финансы находились в столь плачевном состоянии, что отчаявшееся правительство доверило спасение страны шотландскому аферисту Джону Ло — с предсказуемым результатом.

Франция явно проигрывала колониальную гонку англичанам. Англичане победили в давней необъявленной войне за Ньюфаундленд и, столкнувшись с сопротивлением французских поселенцев в Акадии, депортировали их. Постоянные столкновения между французскими и английскими кораблями в Атлантике в 1730–1740-е гг. завершились мощным ударом британцев. В середине 1750-х гг. английский флот без объявления войны уничтожил большую часть французского торгового флота, что стало главной причиной Семилетней войны.

В этом контексте и следует воспринимать французскую политическую экономию XVIII в. Если английская политическая экономия была сборником рецептов агрессивного экспансионизма, то французская должна была стать, по выражению Райнерта, «лекарством от болезней французского государства» (р. 134). Англия была для французских мыслителей предметом ненависти и восхищения — примером, которому они, безусловно, хотели бы следовать.

13. «England most certainly will never let us thrive by the Wollen trade. This is their Darling Mistris and they are jealous of any rivals».

14. Butel-Dumont. «Essai sur l'Etat du Commerce d'Angleterre».

Самым мощным интеллектуальным центром в области политической экономии во Франции середины XVIII в. был кружок Гурне (Gournay) — государственного интенданта финансов. Именно ему приписывается известное высказывание «laissez passer, laissez faire», из-за чего его ошибочно причисляли к физиократам и сторонникам свободной торговли. Одним из членов кружка Гурне был Бютель-Дюмон — адвокат, происходивший из парижской купеческой семьи, автор труда по истории торговли североамериканских колоний Англии.

В 1755 г. он переводит на французский язык книгу Джона Кэри. Получившийся текст не был буквальным переводом с английского — он существенно увеличился в объеме. Бютель-Дюмон украсил его ссылками на античных и современных мыслителей и значительно переработал концепцию. Книга Бютель-Дюмона была историческим трактатом — полной историей экономического развития Англии.

Бютель-Дюмону был доступен огромный массив юридических документов, статистических данных и произведений английских авторов, необходимых для его работы. Он начал с описания ничтожного положения Англии в Средние века и протекционистских мер, которые предпринимали английские правители, начиная с Эдварда III для изменения этого положения. Речь шла прежде всего о развитии шерстяной промышленности. Копируя производство более развитых промышленных центров вроде Италии или Фландрии, англичане сумели стать величайшей державой Европы. Бютель-Дюмон подчеркивал, что все это стало возможно только благодаря государственному интервенционизму: «правительство не останавливалось ни перед какими мерами для развития какого бы то ни было производства» (р. 164).

Вполне понятно, почему Бютель-Дюмон уделял больше внимания истории, чем Джон Кэри, — Франции еще предстояло пройти значительную часть пути, уже преодоленного англичанами. В отношении теоретическом французский автор полностью разделял идеи Кэри и спорил с приверженцами школы физиократов¹⁵, полагавших, что истинный источник благосостояния — исключительно почва, а не промышленность.

Дженовези. «История коммерции в Великобритании»¹⁶

Еще с XVI в. итальянская политическая мысль постоянно возвращалась к проблеме танатологии наций. Страна была раздроблена, подвергалась вторжениям «варваров» из-за Альп и из Испании, постепенно теряла свое ведущее экономическое положение в Европе.

15. Райнерт считает необоснованным возвеличивание физиократической школы. Их эксперименты во Франции, Бадене и Тоскане привели к самым тяжелым последствиям. Физиократы проиграли на всех полях, кроме одного — историографического. Это неудивительно, поскольку школа, считающая единственным источником благосостояния сельское хозяйство и естественно склоняющаяся к свободной торговле (они не видят необходимости в развитии собственной промышленности), несомненно, рассматривается как идейная предшественница современного экономического либерализма. Р. 179.

16. Genovesi. «Storia del commercio della Gran Bretagna».

Наиболее богатая традиция политической экономии расцвела в Неаполитанском королевстве — в начале XVII в. здесь жил Антонио Серра, которому посвящена другая книга Софуса Райнерта. В XVIII в. в Неаполитанском королевстве была учреждена первая в Европе кафедра политической экономии (вернее, «Коммерции и Механики»). Ее основал управляющий поместьями герцогов Медичи Бартоломео Интьери — руководитель местного политэкономического кружка, в который вошел Антонио Дженовези из Салерно, учившийся у Джамбаттисты Вико.

Когда в руки Дженовези попал французский перевод книги Кэри, он решил перевести его на итальянский. И вновь — текст существенно вырос. Если книга Бютель-Дюмона была тысячестраничным двухтомником, то у Дженовези она превратилась в трехтомник объемом свыше полутора тысяч страниц. Он снабдил свою книгу полным переводом Навигационных актов, добавил к записи эмпирического опыта бристольского купца и историческому исследованию французского адвоката теоретическую конструкцию Антонио Серры. Серра утверждал, что труд, вложенный в сельское хозяйство, не мог принести столько же богатства, сколько труд, вложенный в производство, потому что производительность в сельском хозяйстве снижалась по мере вложения новых ресурсов, а в производстве — увеличивалась. Поэтому эти виды деятельности приносили доходы совершенно разного порядка.

Книга Дженовези стала чрезвычайно популярной в Италии. Ее перепечатывали в Неаполе и Венеции. Когда накануне наполеоновского вторжения папа Пий VI задумался об оздоровлении экономики папской области, его советник Паоло Вергани принес ему не Адама Смита, а Дженовези. В этом можно было увидеть усмешку судьбы — сочинение яростного врага католицизма и борца за «Protestant Interest in Europe» Кэри послужило на благо Святого Престола.

Вихманн. «Экономико-политический комментарий»¹⁷

Судьба немецкого перевода книги Кэри оказалась не такой удачной, как во Франции или в Италии. В Германии к XVIII в. уже существовала своя богатая традиция камерализма (Kameralwissenschaft) — всеобъемлющего искусства государственного управления, включавшего в себя не только право или политическую экономию, но и естественные науки, сельское хозяйство, горное дело и т. д. Традиция эта, кодифицированная Зокендорфом, была заметна не только в немецких государствах, но и в тесно связанной с ними Скандинавии.

Политическая философия камералистов лежала в русле аристотелевской традиции — правитель рассматривался как «отец семейства», пусть и большого. Они склонялись к стихийному протекционизму, не подкрепленному какой бы то ни было теоретической базой. Так, советник Фридриха II Юсти писал, что таможенные пошлины необходимы потому, что новички в деле промышленности никогда не могут соревноваться на равных с теми, кто вступил на это поле раньше.

Скандинавские государства, тяжело переживавшие упадок своих империй, стремились копировать полезный опыт континента, с тем чтобы сравняться с ведущими

17. Wichmann. «Ökonomisch-politischer Commentarius».

державами если не в политическом влиянии, то хотя бы в богатстве. Петер Кристиан Шумахер — камергер датского короля и бывший посол в Марокко и Санкт-Петербурге ездил по континенту, по известному маршруту Grand Tour, изучая местный опыт (наблюдал, в частности, провальные эксперименты физиократов в Тоскане и Бадене) и собирая сочинения по политической экономии. В Италии он купил книгу Дженовези и на обратном пути в Данию, захав в Лейпциг — крупнейший в Германии центр книжной торговли, оставил ее для перевода Кристиану Августу Вихманну.

Тот подошел к делу с немецкой педантичностью. Не удовлетворившись переводом перевода, как Дженовези, он собрал все три текста — английский, французский и итальянский, перевел их и снабдил подробным библиографическим комментарием. Там, где Дженовези ссылался на автора, не упоминая конкретное сочинение, Вихманн находил цитату и указывал конкретное издание. Он решил создать своего рода метатекст с подробным комментарием всех трех изданий. Разумеется, работа осталась неоконченной. Да и то, что он успел сделать, оказалось бесполезным.

Аккуратный и титанически работоспособный Вихманн не сумел понять, что именно он переводит и комментирует. Будучи приверженцем физиократической школы, он и переводимым авторам приписывал похожие взгляды — даже Бютель-Демону, который полемизировал с физиократами, хотя, кажется, что в этом случае подобную ошибку совершить было невозможно.

Немецкий перевод книги Кэри, в отличие от двух предыдущих, никогда впоследствии не переиздавался. Достаточно упомянуть, что Гердер цитировал в своих трудах работу Дженовези, но никогда — своего соотечественника Вихманна.

Заключение

«While production, entrepreneurship and technological change are keys to growth, they are not necessarily outcomes of market mechanisms. The economy is intrinsically political»¹⁸ (p. 219).

Идеи и теории, послужившие экономическому развитию Европы в раннее Новое время, совершенно забыты в наши дни. У нас нет языка не только для их описания, но даже для их обозначения. Термин «меркантилизм» извращает содержание этих идей, понятие «камерализм» — неизбежно отсылает нас к германской и скандинавской традиции, в то время как родиной их была Англия.

Именно Англия первой из всех национальных государств Европы начала проводить политику экономической экспансии, в которой экономические и внеэкономические меры были переплетены настолько тесно, что само их разделение предстает здесь искусственным и необоснованным. Англия стремилась ввозить сырье и вы-

18. «В то время как производство, предпринимательство и технологические изменения являются ключами к росту, они не всегда — результаты рыночных механизмов. Экономика по природе своей — область политического».

возить промышленные товары и следила за тем, чтобы колонии и иностранные государства придерживались противоположной политики. Она выплачивала премии за экспорт собственного текстиля и запрещала его вывоз из Ирландии (из Англии же запрещалось вывозить необработанную шерсть), поддерживала высокие импортные пошлины и проводила бомбардировку береговых линий тех государств, которые пытались копировать эту политику; была крупнейшим посредником в транзитной морской торговле и защищалась от конкурентов на этом поприще, запрещая иностранное посредничество в собственной торговле.

Мы называем подобные меры «протекционистскими», тогда как их следовало бы именовать «экспансионистскими». Однако традиционное обозначение выбрано не случайно — страны, что пошли тем же путем, были вынуждены копировать английскую политику в гораздо менее благоприятных условиях, защищая свои рынки от английского.

Ценность работы Софуса Райнерта как философского сочинения состоит в том, что она помогает нам понять политическую подоплеку экономической жизни и экономической науки, а следовательно, заставляет усомниться в теории, которая эту подоплеку игнорирует. Книга эта не только о том, что некогда в прошлом были распространены идеи, о которых мы мало что знаем, и не о том, что эти идеи гораздо ценнее и правильнее современных. Райнерт показывает, что любое национальное государство, какой бы ни была его идеология, каким бы космополитичным и универсальным оно себя ни провозглашало, является (пусть он и не употребляет этой метафоры) «утопией Фрасимаха». Межгосударственное соперничество — как политическое, так и экономическое — это, как правило, игра с нулевой суммой. Она ведется в условиях несовершенной конкуренции, когда любой выигрыш догоняющего игрока подрывает позицию лидера-монополиста. Единственный способ, которым победитель может себя обезопасить от соперников, — это *dicere leges*, запрещающие побежденным следовать его же примеру.